

РУССКАЯ ПРИРОДА ПОЕТ В ЕГО МЕЛОСЕ...

К 100-летию со дня рождения
композитора
Василия Сергеевича Калинникова

В СОТЫЙ, тысячный раз берешь в руки сочинения Бориса Владимировича Асафьева и не устаешь удивляться яркости, точности, образной силе его высказываний о явлениях музыкального искусства. Вот и в поисках яркой цитаты о Василии Сергеевиче Калинникове, изумительном русском композиторе, которому не повезло не только на жизненном пути, сломившем его физическое здоровье бесконечными трудностями, но и с точки зрения популярности у музыковедов, странным образом вопреки неистощимой любви слушателей, почти совсем обошедших его своим вниманием, начал я передиставать сочинения Асафьева, и вдруг в примечаниях ко второму тому «Избранных трудов» сверкающе яркая фраза из пока еще не изданных «Мыслей и дум»: «Первая симфония Калинникова — «песня жаворонка» русского симфонизма. Калинников, в сущности, не пейзажен, но русская природа поет в его мелосе: у меня его лирика вызывает впечатления, переключаящиеся с впечатлениями от картин и рисунков Саврасова и еще более тонкими ощущениями: от основного живописно-поэтического тона лирических пейзажей Васильева: он ведь тоже из «жаворонков»...

И сразу поневоле хаотичный из-за шквальной силы вспыхнувшего импульса поток мыслей. Да, асафьевский образ, как всегда, и ярок, и точен. Песня жаворонка... Свежесть, чистота, простота эмоциональной искренности, бездонный голубой купол неба, бескрайняя ширь полей; целомудренная скромность, но никакой застенчивости, всегда выносящей кокетливость, угловатость, душевную замкнутость; все звучит удивительно просто, в руках таланта меньшей силы и сердечной чистоты многое показалось бы тривиально, но здесь благоухающие полевой свежестью мелодии рождаются как бы сами собой и льются, льются без устали... Как же чудесна соль-минорная симфония Калинникова! Кстати, реакция массового слушателя, взятая с большой временной дистанцией, всегда безошибочна. Скромнейшая, почти незаметная в своей скромности рядом с гигантскими памятниками русской классики, Первая симфония завоевала его прочнейшую любовь.

Русская природа поет в его мелосе... Видно, все дело в цельности

восприятия жизни, каком-то душевном пантеизме мироощущения. Кстати, нельзя ли это понятие проецировать на пейзажи Саврасова и Васильева? Нет, термин душевный пантеизм мироощущения приложим к их характеристике с изрядным зазором. Он более широк, объемнее и растворяет индивидуальную характерность того и другого. У обоих одна из определяющих черт — лиризм восприятия природы, слияние в нераздельное целое пейзажного образа и движений души. Объединяет их еще с Калинниковым целомудренная скромность высказывания, редчайшая душевная чистота. Трудное это качество для художника-творца! Трудное в том смысле, что обладатели его в царской России получали в удел часто трудную, тяжелую судьбу. У Калинникова она была очень тяжела. Вечная, безысходная материальная нужда, одолевшая

его на протяжении всего творческого пути, привела к туберкулезу и ранней могиле. Прогнозы касательно того, как расцвел бы его талант в дальнейшем, можно делать любые. Если внимательно вслушаться, в той же Первой симфонии, во Второй симфонии, в симфонической картине «Кедр и пальма» много любопытнейших с точки зрения перспектив дальнейшего развития «образных зерен». Не исключено, что Василий Калинников оказался бы еще одним, отличным от Глазунова наследником богатырского эпоса Бородина. По-другому, надо полагать, при его активном участии развивалась бы сфера камерной инструментальной и вокальной лирики широкого слушательского профиля (вспомните кристально-чистую Грустную песенку и пропасть, разделяющую ее от эпигонских копий реби-ковщины). Чрезвычайно интересно представить, как стал бы трансформироваться талант Василия Калинникова в предстоявшие годы интенсивных поисков нового, в годы отрицания, переосмысления классических традиций. Органичайшая националь-

ная почвенность, демократизм его творческого почерка, помноженные на острое чувство индивидуальной красоты, неповторимости каждого рождающегося музыкального образа, могли дать в то же второе десятилетие двадцатого века любопытнейший результат. Наконец, не забудем того, что «русская природа поет в его мелосе». Качество это как всепроникающее свойство лирических образов в первые десятилетия двадцатого века в русской музыке стало встречаться реже. Среди звезд первой величины сразу вспоминается в этой связи, пожалуй, лишь Сергей Рахманинов... Впрочем, что гадать о несбыточном! Горько, что такой оригинальнейший талант не смог раскрыться с той полнотой, на какую он был способен. Василий Сергеевич Калинников умер на тридцать пятом году жизни в самом начале нашего столетия. Систематическое музыкальное образование он смог получить лишь к 27 годам. Если исключить последние годы борьбы с тяжелейшей болезнью, на его долю пришлось лишь пять-шесть лет творческого труда. А если бы их было тридцать или сорок? Каким количеством замечательных сочинений обогатилась бы тогда русская музыка...

Ин. ПОПОВ.